

Open Access = *свободный (!)* доступ

На примере англоязычного выражения «Open Access» отстаивается мнение, что перевод иноязычных терминов должен быть согласован с нормами русского языка. Автор обосновывает использование для перевода термина *Open Access* словосочетания «свободный доступ».

Ключевые слова: библиотечная терминология, свободный доступ, открытый доступ, аналоговый документ, цифровой документ.

Open Access = *free (!)* access

The author argues, by the example of the English-language expression *Open Access*, that foreign terminology has to be translated in accordance with the standards of the Russian language and substantiates why the term *Open Access* should be translated with the Russian equivalent of “free access”.

Keywords: library terminology, free access, open access, analog document, digital document.

Someone came up with a good idea, which was called «open access». When this thing became known in our country there appeared the term needed to translate into Russian. Translators – and often it is a neophyte in the library profession without thinking twice transferred to a new term as "open access". Open any English-Russian dictionary – and the first meaning of the word "the open" will be "open". I'm sure that in Russian, as well as in English, the term "open access" makes no sense, because it assumes the existence of a closed access. But "closed access" is a typical oxymoron. Introduction into library science professional usage absurd combination of "open access" was the result of neglecting the elementary rules of both Russian and English, linguistic deafness, lack of linguistic taste. What is the meaning of the expression «open access»? Yes, the same as in expressions such as «open way, open road», «free way, free road", ie path "unoccupied, unrestricted, barrier-free, unhindered". Therefore one should translate the expression «open access» (free access) on the Russian language, not throwing deep philosophy on a small spot. In this regard, I cannot agree with the proposal by Mr Sukiasyan considered valid the expression "public access to the fund", and

similar – "access to information". It should be recognized that entered in the 1930s. Russian literate expression "public access to the fund" as abhorrent feeling of the Russian language as it is the expression "public access to information". Even in the old days in the first Soviet "Dictionary of Librarian" (1923), there was a normal, decent concept "Free access to the shelves". Who is responsible for the correct translation of English terms? First, of course, are translators. They must have characteristic linguistic taste, respect for the rules in the first place, their native language. In addition, they have to feel deeply the work of librarians. Correctness of the translation is also dependent on the drafters of the state standards. Being directive normalized term becomes virtually mandatory to use and widely distributed in a professional environment. Especially strongly it affects the educational publications and thus forms a professional consciousness of the future of librarians. The university professors and faculty are forced to use the officially recommended terminology, and their own professional informed opinion is transformed into a private and very few people interesting. A large share of the responsibility rests with the heads of libraries, especially if they are also endowed with academic degrees and academic titles. Equally important are activities of methodists of all ranges. I add to this the editorial boards of professional periodicals – the main conductors of new trends. It is clear how much influence on the minds of the public library name alone professional edition. In short, dear colleagues-in library science and librarians! Let's call a spade a spade, and access – free, i.e., unlimited, equal for all, liberated from any barriers, etc., but not open. Let us respect our great and mighty Russian language.

В своё время за рубежом кто-то придумал некое хорошее дело, которое назвал «*Open Access*». Когда это дело (хорошее!) стало известно в нашей стране, его обозначение, ставшее термином, потребовалось перевести на русский язык. Переводчики – а чаще всего это неофиты в библиотечной профессии – недолго думая перевели новый термин как «открытый доступ». А что: откройте любой англо-русский словарь – и первое же значение слова «*open*» будет «*открытый*».

Так-то оно так, но только в русском, равно как и в английском, выражение «открытый доступ» лишено смысла, поскольку предполагает существование доступа закрытого. Но «закрытый доступ» – это типичный оксюморон (в переводе с древнегреческого слово «оксюморон» дословно означает «остроумно-глупое»; под ним понимается либо стилистическая ошибка, либо намеренное сочетание слов с противоположным значением) сродни выражениям типа «горячий снег», «живой труп» и т.п.

Как эффектный литературный приём оксюморон успешно используется в художественной литературе и публицистике при характеристике неразрешимой или явно нелогичной ситуации для усиления производимого эффекта своей очевидной несочетаемостью слов. В остальных случаях, включая рассматриваемый, введение в профессиональный библиотковедческий обиход нелепого сочетания «открытый доступ» – результат элементарного пренебрежения нормами как русского, так и английского языка, языковой глухоты, отсутствия языкового вкуса.

В английском языке слову «*open*» соответствует несколько значений, и каждое из них вполне уместно применительно к обозначаемому явлению. Медицинское выражение «*open fracture*» – правомерно перевести как «открытый перелом (кости)», потому что перелом может быть и закрытый. Почему бы не сказать «открытое зло», потому что зло можно сотворить и скрытно. Вполне корректно выражение «*open question*» – открытый вопрос, потому что после нахождения ответа на него вопрос закрывается.

Можно находиться на *открытом* воздухе в отличие от *закрытого* помещения. Дверь может быть либо *открытой*, либо *закрытой*. И письмо может быть либо *закрытым* (в запечатанном конверте), либо *открытым*. Можно смотреть на исследуемую проблему *открытыми* глазами (*with open eyes*), что, кстати, я и пытаюсь делать в данном случае, – в отличие от тех, кто от неё отмахивается, ссылаясь либо на устоявшуюся традицию перевода (но если эта традиция идёт вразрез с нормами русского языка, надо же её когда-нибудь исправить), либо на то, что поборники норм русского языка – отсталые квасные патриоты, – и т.д.

Водное пространство может быть *открытым* (*open water*), т.е. очищенным от льда, или запертым торосами. *Открытый* дом – это дом гостеприимный, где гостей встречают *to welcome with open arms* – с *распростёртыми* объятиями (а не «*открытыми* руками»). И *an open hand* – это не «*открытая* рука», как перевели бы наши горе-переводчики, а «*щедрая* рука». Вероятно, «*open weather*» они перевели бы как «*открытая* погода», а «*open winter*» – как «*открытая* зима». Англичане же слову «*open*» в этом случае придают иное значение, имея в виду *мягкую* погоду/зиму.

Итак, слово «*open*» в зависимости от контекста переводится многими словами, «открытый» – всего лишь одно из них. Какой же смысл вкладывают в выражение «*open access*» носители английского языка? Да тот же, что в выражениях типа «*open way, open road*» «свободный путь, свободная дорога», т.е. путь «незанятый, неограниченный, безбарьерный, беспрепятственный». Именно в таком ключе и следует переводить выражение «*open access*» («*свободный доступ*») на русский язык, не разводя глубокую философию на мелком месте.

В связи с этим не могу согласиться с предложением Э. Р. Сукиасяна считать правомерным и выражение «открытый доступ к фонду», и по аналогии – «свободный доступ к информации» [1].

Следует признать, что и введённое в 1930-е гг. русскими грамотеями выражение «открытый доступ к фонду» столь же претит чувству русского языка, сколь и выражение «открытый доступ к информации» – по уже высказанным причинам. Оно могло быть в какой-то мере извинительным для периода становления библиотечной терминологии, когда её чистоте и строгости существенного значения не придавалось, когда она внедрялась в значительной мере, что называется, «от сохи», т.е. от практики, а библиотекари были далеки от терминологических изысков.

Но и в те давние времена в самом первом советском «Словаре библиотекаря» (1923) [2] имел место нормальный, достойный терминологический оборот «свободный доступ к полкам» [Там же. С. 83].

Я скорее согласился бы на внедрение в нашу профессиональную лексику англоязычной кальки «*open access*», чем на её неграмотный перевод – «открытый доступ».

Понятно, что стремление обойтись без введения современной, прежде всего англоязычной, терминологии – тупиковый путь в развитии нашей профессиональной лексики. От кого же в первую очередь зависит корректный перевод англоязычных терминов? Прежде всего, естественно, от переводчиков. Им должен быть свойствен лингвистический вкус, уважение к нормам в первую голову своего родного языка. Кроме того, они обязаны глубоко чувствовать специфику библиотечной работы. Когда в своё время Л. Б. Хавкиной дали на рецензию англоязычный словарь библиотечных терминов, составленный преподавателями кафедры иностранного языка Московского государственного библиотечного института, она возмутилась непрофессионализмом составителей и отреагировала созданием действительно строгого и точного многоязычного словаря библиотечных терминов [3]. Призываю брать пример с классика отечественного библиотековедения, *свободно* (а не *открыто!*) общавшегося на десяти языках мира.

Корректность переводов зависит также от составителей государственных стандартов. Будучи гостированным, термин становится фактически обязательным к употреблению и широко распространяется в профессиональной среде. Особенно сильно он влияет на учебную литературу и таким образом формирует профессиональное сознание будущих библиотекарей. Вузовская профессура и профессорско-преподавательский состав оказываются вынужденными использовать официально рекомендуемую терминологию, а их собственное профессионально обоснованное мнение превращается в частное и мало кому интересное.

Большая доля ответственности лежит на руководителях библиотек, особенно если они к тому же облечены учёными степенями и научными званиями. Например, достаточно генеральному директору ГПНТБ России доктору технических наук профессору Якову Леонидовичу Шрайбергу в докладе употребить тот или иной терминологический оборот, как вслед за ним этот оборот начнут использовать его подчинённые, а также все остальные представители библиотечного сообщества, для которых авторитет Я. Л. Шрайберга заслуженно непререкаем.

Столь же важна деятельность методистов всех мастей. Добавлю к этому редакционные коллегии профессиональных периодических изданий – основных проводников новых веяний. Понятно, как сильно влияет на умонастроения библиотечной публики одно только название профессионального издания ВГБИЛ им. М. И. Рудомино – «Открытый доступ. Библиотеки за рубежом!» Если журналы тиражируют некорректное словоупотребление, то они очень сильно влияют на засорение профессиональной лексики.

Естественно, вносят свою лепту и авторы публикаций, особенно те, кто освещает терминологические вопросы. От них требуется особая тщательность, доказательность и отшлифованность языка.

Пользуясь случаем, покритикую в этом отношении самого себя. Один весьма уважаемый мною специалист, прочитав мою статью [4], обратил внимание на сомнительность утверждения, что «в русском языке открытость и доступность – взаимоисключающие понятия» [Там же. С. 54]. Тут действительно с моей стороны требовались уточнения. Имелось в виду одновременное существование этих слов в одном и том же контексте: выражение «доступ» не нуждается в уточняющем слове «открытый», поскольку закрытого доступа быть не может. В рассматриваемом случае «открытость» как раз и предполагает «доступность», а закрытость означает недоступность. Либо говорите «доступ», но тогда не добавляйте «открытый», либо замените слово «открытый» на эпитет, более к данному случаю подходящий: «свободный, неограниченный» и т.п. И это мне следовало оговорить и разъяснить. Вот за замечания такого рода я своим критикам благодарен и пользуюсь возможностью свою оплошность исправить.

Но, высказывая своё мнение о той же статье, этот специалист пытался мне втолковать, что термин «аналоговый» образует пару понятий с термином «дискретный», «цифровой» и что на этом основании выражения «электронный» и «неэлектронный» некорректны. Вот с этим согласиться не могу. Понимание аналогового как непрерывного свойственно людям, имеющим весьма смутное представление об этимологии слова «аналоговый». Греческое слово «*analogia*» означает «соразмерность» [5. С. 32], а вовсе не «непрерывность».

Слово «аналогия» трактуется в современных словарях как «1) сходство в каком-либо отношении между предметами, явлениями или понятиями: 2) форма умозаключения, когда на основании сходства двух предметов, явлений в каком-либо отношении делается вывод об их сходстве в других отношениях; 3) *лингв.* изменение грамматической формы по образцу другой формы, напр. форма ”шоферá” (вместо “шофёры”) образована по аналогии с формами типа “мастерá”» [6. С. 48]. Ну и где здесь, скажите на милость, идея непрерывности, неизменяемости?!

В семиотике, а вслед за ней в документологии есть понятие «аналоговый» знак, т.е. *знак, подобный отображаемому объекту*, в отличие от других видов знака, как-то: знака-предмета, знака-символа, знака-индекса. Поэтому фотопортрет – аналоговый документ безотносительно к тому, на каком материальном носителе он представлен – бумажном, целлулоидном или стеклянном (экранно-компьютерном). Фотография, конечно, может быть оцифрована, т.е. её исходная знаковая система будет в таком случае перекодирована. Аналоговый (иконический) документ, равно как и документ идеографический, индексный, а также, возможно, имеющий другую сигнативную (лат. *signum* – знак, изображение) составляющую, разумеется, может быть оцифрован. Но при чём тут связка «аналоговый – цифровой (электронный)»?

Тем не менее новое, совершенно несвойственное исходному, значение слова «аналоговый» для информационных технологий нагло вторглось в профессиональный лексикон айтишников, и игнорировать его уже невозможно. Тут я со своим оппонентом, скрепя сердце, вынужден согласиться.

Короче говоря, дорогие коллеги-библиотековеды и библиотекари! Давайте будем называть кошку кошкой, а доступ – *свободным*, т.е. беспрепятственным: неограниченным, бесплатным, равным для всех, освобождённым от каких-либо барьеров и т.д., но только не *открытым*. Давайте уважать свой великий и могучий русский язык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сукиасян Э. Р. Доступ «в тумане» / Э. Р. Сукиасян // Науч. и техн. б-ки. – 2016. – № 10. – С. 59–62.
Sukiasyan E. R. Dostup «v tumanе» / E. R. Sukiasyan // Nauch. i tehn. b-ki. – 2016. – № 10. – S. 59–62.

2. **Словарь** библиотекаря / сост. Р. Л. Гольдарбейтер. – Петроград : Изд. автора, 1923. – 104 с.

Slovar bibliotekarya / sost. R. L. Goldarbeyter. – Petrograd : Izd. avtora, 1923. – 104 s.

3. **Словари** библиотечно-библиографических терминов: англо-русский, немецко-русский, французско-русский / сост. Л. Б. Хавкина ; Всесоюз. книж. палата. – Москва : Изд. Всесоюз. книж. палаты, 1952. – 233 с.

Slovari bibliotechno-bibliograficheskikh terminov: anglo-russkiy, nemetsko-russkiy, frantsuzsko-russkiy / sost. L. B. Havkina ; Vsesoyuz. knizh. palata. – Moskva : Izd. Vsesoyuz. knizh. palaty, 1952. – 233 s.

4. **Столяров Ю. Н.** Несостоятельность понятия «информационный ресурс» / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2016. – № 3. – С. 52–57.

Stolyarov Yu. N. Nesostoyatel'nost ponyatiya «informatsionnyy resurs» / Yu. N. Stolyarov // Nauch. i tehn. b-ki. – 2016. – № 3. – S. 52–57.

5. **Новый** латинско-русский и русско-латинский словарь. – Москва : Дом Славянской книги, 2013. – 927 с.

Novyy latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar. – Moskva : Dom Slavyanskoy knigi, 2013. – 927 s.

6. **Захаренко Е. Н.** Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – Москва : Азбуковник, 2003. – 784 с.

Zaharenko E. N. Novyy slovar inostrannykh slov / E. N. Zaharenko, L. N. Komarova, I. V. Nechaeva. – Moskva : Azbukovnik, 2003. – 784 s.

Ю. Н. Столяров

Yuri Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Professor, Moscow State Institute of Culture;

yn100@narod.ru

90 Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia